

блоки («Вдохновение» и «Встреча», «Маргарита» и «Мефистофель» и, особняком, «Шекспир»), задают очень широкую палитру «тем», ассоциативных полей, каждое из которых будет варьироваться на протяжении всей книги. Однако при всем богатстве и разнообразии «Повести» образуют вполне целостный и законченный сюжет.⁶¹

Мы движемся от «музыкального» одиночества «Вдохновения» к «живописному» ожиданию свидания во «Встрече», чисто «поэтическому» любовному свиданию в «Маргарите», «оперно-театральному» явлению дьявольской оборотной стороны искусства в «Мефистофеле» и «драматическому» преодолению мистического соблазна в «Шекспире». От вдохновения через томительное ожидание к творческому экстазу, его жутким последствиям и, наконец, готовому, отделившемуся от личности автора произведению искусства. От города («Вдохновение», отчасти «Встреча»), за город (Подольск из «Встречи», «Маргарита», «Мефистофель») и обратно («Шекспир»). От весны «Вдохновения», названного «марта» «Встречи» к поздней весне «Маргариты» (соловьиное пение, черемуха и т. п.), душному лету «Мефистофеля» и, наконец, поздней осени/зиме в «Шекспире». Заметим, календарный аспект особенно важен в композиции книги, содержащей циклы «Зимнее утро», «Весна», «Сон в летнюю ночь» и «Осень». Таким образом, наравне с тематическими блоками искусства (поэзия, музыка, живопись, театр), поэзии (вдохновение, экстаз, «поэт и толпа» etc.), художника (Шекспир, Гете, Пушкин, Блок и т. д.), любви (томительное ожидание, свидание и пр.), в цикле, как и во всей книге, в соответствии с законами поэтического мира Пастернака не менее важное место отводится и «темам и вариациям» природы — Божественного «творчества».

Подчиняясь логике хрестоматийного брюсовского «Творчества», читатель «Пяти повестей» проходит путь от неформленных «призраков» («Встреча»), «теней» («Мефистофель») к «созданному», законченному «привидению» («Шекспир») готового произведения искусства. Цикл не просто описывает творческий процесс как таковой, он будто бы сам себя пишет, повинаясь непреложному закону пастернаковской «творческой эстетики»: «Самое ясное, запоминающееся и важное в искусстве есть его возникновение, и лучшие произведения мира, повествуя о наиразличнейшем, на самом деле рассказывают о своем рождении...».⁶²

⁶¹ Заметим, стихотворения, помимо прочего, выстроены в алфавитном порядке: «Вдохновение», «Встреча», «Маргарита», «Мефистофель», «Шекспир».

⁶² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 185.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-160-170

© Ван Юе (КНР)

ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО В КИТАЕ

Несмотря на то, что первое знакомство с творчеством Андрея Белого в Китае состоялось в 1920-е годы, в силу политических причин его имя долгое время замалчивалось. Лишь в 1980-е, с ослаблением идеологических ограничений, китайские литературоведы под влиянием западной и советской филологии всерьез обратились к изучению произведений писателя-символиста. Тем не менее уровень китайского беловедения все еще не столь высок, как в других странах, и академических трудов, посвященных Белому, не очень много. Большая часть исследований посвящена проблемам его биографии, а также стилистике произведений.

Интерес к Белому объясним прежде всего тем, что его творчество пришлось на эпоху русской Революции и таким образом вписано в широкий историко-политический контекст. По мнению китайских филологов, знакомство с текстами этого периода

способствовало пониманию тех историко-культурных условий, в которых стала возможной Октябрьская революция, что было очень важно для китайского читателя. Именно поэтому известные переводчики первой половины XX века, такие как Цюй Цюбо (1899–1935), Лу Синь (1881–1936), Гэн Цзичжи (1899–1947) и др., начали переводить современную им русскую литературу на китайский, однако не всегда с языка оригинала.¹

Кроме того, в ежемесячном журнале «Сяошо юэбао» («Ежемесячник прозы») в 1920–1930-е годы активно публиковались статьи, посвященные влиянию Октябрьской революции на китайскую литературу, особенно в свете событий так называемого Движения 4-го мая.² Успех революции показал китайской интеллигенции пример иной парадигмы мышления, став призывом к действию. В целом Движение 4-го мая ассоциируется в Китае с культурным обновлением и просвещением.

Таким образом, впервые имя Андрея Белого получило резонанс на гребне революционных идей, охвативших китайское общество. Однако в научный обиход оно было введено не китайским, а японским специалистом по русской литературе — Сёму Нобори (1878–1958).³ В статье «Основные течения современной русской литературы» (1921)⁴ он связал творчество Белого с поздним символизмом.

Краткое упоминание о Белом содержится и в книге Цюй Цюбо «История русской литературы», над которой исследователь работал во время своего визита в Россию в 1921–1922 годах. По его мнению, чем больше Белый погружался в революционную действительность, тем меньше он понимал, что происходит: «Он словно остановился в нерешительности, не в силах сдвинуться с места. Поэтому стиль его чрезмерно лаконичен, даже робок».⁵

В 1924 году литературовед и писатель Чжэн Чжэньдо (1898–1958) в «Краткой истории русской литературы»⁶ указал на пророческий характер поэзии Белого и его новаторство в работе с поэтической формой. Кроме того, он первым охарактеризовал Белого не только как поэта-символиста, но и как прозаика, автора романов «Серебряный голубь» и «Петербург».

С точки зрения Чжэн Чжэньдо, рассуждая одновременно и о рациональном, и об иррациональном познании мира, писатель стремится приоткрыть для нас таинственную завесу мироздания. Никто из современных ему русских писателей не наделен столь уникальной манерой. Белый пишет так, что никто не решается ему подражать; читатели часто не понимают его произведений, но необходимо набраться терпения и перечитывать его тексты по нескольку раз. Встречаются и те, кто недолюбливают Белого, но даже самые суровые критики признают его гениальность.⁷

Восприимчивость творчества Белого в 1920–1930-е годы было противоречивым — похвала соседствовала с критикой. В частности, Цюй Цюбо в 1923 году раскритиковал произведения Белого как буржуазные в своей «Истории русской литературы...».⁸ По его мнению, тексты, посвященные жизни простых рабочих, немногочисленны и неполно отражают советскую действительность, не затрагивая сути социальных проблем.

¹ Так, Лу Синь, к примеру, не знал русского языка и потому переводил русские тексты с языков-посредников — с японского и английского.

² Имеется в виду массовое антимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае–июне 1919 года.

³ Многие из переводов Сёму Нобори с русского языка на японский, а также его литературоведческие работы о русской литературе позже были переведены с японского на китайский.

⁴ На китайском языке она была опубликована в переводе Чэнь Вандао в журнале «Сяошо юэбао» в том же году, см.: *Gamsa M. The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies. Leiden, 2008. P. 219.*

⁵ 瞿秋白: 《俄国文学史及其他》, 上海: 复旦大学出版社, 2004年, 第59页。(Цюбо Цюй. История русской литературы и прочее. Шанхай, 2004. С. 59).

⁶ 郑振铎: 《俄国文学史略》, 上海: 商务印书馆, 1924年, 第149页。(Чжэн Чжэньдо. Краткая история русской литературы. Шанхай, 1924).

⁷ Там же. С. 149.

⁸ 瞿秋白: 《俄国文学史及其他》, 上海: 复旦大学出版社, 2004年, 第59页。(Цюбо Цюй. История русской литературы. С. 59).

В 1927 году в издательстве «Шанхай чуанцзаошэ» вышла двухтомная монография «Русская литература»⁹ литературоведа, радикального марксиста Цзян Гуанцы (1901–1931). Здесь идеи писателя о том, какое влияние революция оказывает на литературу, были восприняты крайне негативно. В частности, исследователь утверждал: «Андрей Белый просто не понимал, что такое новая Россия, и явно не разделял настроений Октябрьской революции».¹⁰ При этом поэт жаловался властям на отсутствие материальной стабильности, на что, по мнению Цзян Гуанцы, не имел никакого права. Будучи лидером китайской пролетарской литературы 1920–1930-х годов, ученый, безусловно, находился под влиянием советских идеологов, активно их пропагандируя.

В 1929 году Ли Иман (1903–1990) и Лу Синь (1881–1936) перевели (с английского языка) и издали сборник «Избранные стихи новой России»,¹¹ в который включили фрагменты поэмы «Христос воскрес» и краткую биографию поэта. 24 стихотворения, вошедшие в книгу, были отобраны исходя из того, ощутим ли в них дух революции и насколько ярко звучат марксистские интонации. Не нужно объяснять, что «Христос воскрес», навеянный поэмой Блока «Двенадцать», вошел в сборник по этой же причине.

На протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1930-х годов и до Великой пролетарской культурной революции (1966–1976), советская литература, восхвалявшая Октябрьскую революцию и Гражданскую войну (прежде всего, романы «Железный поток» А. С. Серафимовича и «Как закалялась сталь» Н. А. Островского), выходила на китайском языке систематически, расходясь большими тиражами.

Неслучайно, что в столетии идеологизированной обстановке исследования, посвященные творчеству Белого, а также переводы его произведений на китайский язык были редки, а если и появлялись, то нередко становились объектом критики. В июне 1930 года, в послесловии к пьесе «Фауст и город» А. В. Луначарского в переводе на китайский Жоу Ши (1901–1931), Лу Синь упомянул Белого как смелого экспериментатора, добившегося больших успехов во многих областях, однако отметил, что ни в его творчестве, ни в его философской концепции никогда не было определенности: он находился в постоянном поиске и так и не пришел ни к каким конкретным выводам.¹²

В сентябре 1941 года издательство «Чжэнчжун шуцзюй» опубликовало в переводе Жэнь Цзюня монографию японского литератора и переводчика Масао Йонекавы «Основные направления русской литературы». В 16-й главе («Литература модернистов») он высоко оценил художественные достижения Белого как теоретика и лидера русского символизма.¹³ Исследователь подчеркнул, что, как и многие темпераментные личности, писатель считал свою точку зрения единственно правильной. Он был поглощен миром теистической философии и, находясь вдали от реальных проблем Советской России, мыслил отвлеченно. Именно поэтому критики называли его «неисправимым мистиком».¹⁴

Сборник стихотворений «Девушка и смерть» в переводе Цинь Ши был издан в январе 1949 года.¹⁵ В него вошло стихотворение «Россия», написанное Белым после возвращения на родину в 1916 году в связи с призывом в армию. В послесловии к сборнику переводчик дал краткую характеристику жизни и творчества автора, который «сто-

⁹ Автор первого тома «Октябрьская революция и русская литература» Цзян Гуанцы, второго — «История русской литературы» — Цюй Цюбо.

¹⁰ 蒋光慈:《俄罗斯文学》,上海:上海创业社,1927年,第13页。(Цзян Гуанцы. Русская литература. Шанхай, 1927. С. 13).

¹¹ Избр. стихи новой России / Пер. с рус. на кит. Ли Имана, Лу Синя. Пекин, 1929.

¹² 鲁迅:《集外集拾遗》,北京:人民文学出版社,1973年,第342页。(Лу Синь. Дополнения к Собранию сочинений. Пекин, 1973. С. 342).

¹³ Йонекава М. Основные направления русской литературы / Пер. с яп. на кит. Жэнь Цзюня. Пекин, 1941.

¹⁴ Там же. С. 206–207.

¹⁵ В сборник вошли романтическая поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и стихотворения других поэтов.

ит в авангарде религиозно-философских направлений символизма». ¹⁶ В послесловии Цинь Ши упоминает такие важные произведения, как «Золото в лазури», «Урна», «Пепел», «Северная симфония», «Кубок метелей» и «Серебряный голубь». ¹⁷

В марте 1953 года в издательстве «Бэйцзин жэньминь вэньсюэ» выходит сборник статей, переведенных Цао Баохуа (1906–1978) и другими специалистами с русского языка на китайский, — «Проблемы советской литературы и искусства». В этом издании китайские литературоведы критикуют А. А. Ахматову, Д. С. Мережковского, Вяч. И. Иванова, М. А. Кузмина, А. Белого, З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуба и других русских поэтов, которые воспринимаются как реакционеры: их творчество — «сплошное мракобесие». ¹⁸ Причислив поэтов к декадентам, авторы статей осудили их за измену народу: «Они отвернулись от народа и, провозгласив программу „искусства ради искусства“, начали отстаивать безыдейность литературы, прикрывая свою интеллектуальную и нравственную деградацию стремлением к красивым формам, лишенным содержания». ¹⁹

В июне 1957 года издательство «Цзоцзя чубаньшэ» выпустило книгу Вас. И. Иванова «Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы, 1917–1932» (1953) в переводе Цао Баохуа и Сюй Юньшэна. В ней Белый, наряду с Ахматовой и Ходасевичем, был отнесен к представителям буржуазно-аристократической декадентской литературы, а его творчество осуждалось. ²⁰

Лишь после Культурной революции ²¹ в Китае начался период «оттепели». В 1980-е годы под влиянием западных теорий литературоведы постепенно избавились от предрассудков прошлого и стали относиться к творчеству Белого более открыто. Первая рецензия на роман «Петербург» вышла в 1979 году в четвертом номере журнала «Вайго вэнь» («Иностранная литература и искусство»). Ее автор Ци Нин отмечал: «11 сентября 1978 года в журнале „Нью-Йоркер“ известный американский писатель Джон Хойер Апдайк опубликовал статью о романе Андрея Белого „Петербург“. В ней он ссылается на Владимира Набокова, составившего для одной телепередачи рейтинг „величайших шедевров прозы XX века“, в котором „Петербург“ стоит после „Улисса“ Джеймса Джойса и „Превращения“ Франца Кафки, но перед романом Пруста „В поисках утраченного времени“». ²²

В своей рецензии Ци Нин кратко описал сюжет «Петербурга», заявив о том, что в романе «ощутимо влияние Гоголя, Пушкина, Толстого и Достоевского» ²³ и что «Андрей Белый манипулирует сюжетом, словно азартный игрок, тасующий карты в попытках завладеть вниманием публики». ²⁴

Первое подробное исследование о Белом на китайском языке принадлежит литературоведу Оу Иньси «История русской литературы». ²⁵ Автор отмечает, что «критические сочинения Андрея Белого столь же проницательны, как и его проза...». ²⁶ В 1981 году издательство «Тайбэй юаньцзин чубаньшэ» выпустило книгу русско-американского литературоведа М. Слонима «Современная русская литература: от Чехова до наших дней» в переводе Тан Синьмэй. Слоним высоко ценит талант Белого, назвав его «красноречивым

¹⁶ Девушка и смерть / Пер. с рус. на кит. Цинь Ши. Шанхай, 1949. С. 96.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Проблемы советской литературы и искусства / Пер. с рус. на кит. Цао Баохуа. Пекин, 1953. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 45.

²⁰ Иванов В. И. Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы. 1917–1932 / Пер. с рус. на кит. Цао Баохуа, Сюй Юньшэна. Пекин, 1957. С. 24.

²¹ Целью Культурной революции (1966–1976) было сохранение китайского коммунизма путем очищения общества от идей капитализма.

²² 齐宁: 《安德烈·别雷的〈彼得堡〉》, 《外国文艺》, 1979年4期, 第314页。(Ци Нин. «Петербург» Андрея Белого // Вайго вэнь. 1979. № 4. С. 314).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Опубликовано издательством «Чжунго вэньхуа дасюэ чубаньшэ» в 1980 году.

²⁶ 欧茵西: 《俄罗斯文学史》, 台北: 中国文化大学出版社, 1980年, 第294页。(Оу Иньси. История русской литературы. Тайбэй, 1980. С. 294).

и пронизательным поэтом» и отметив музыкальность его произведений:²⁷ «Андрей Белый изучал и гуманитарные науки, и естествознание <...> Его стихи написаны как музыкальные произведения. Он не только использовал музыкальную терминологию в названии своих произведений, но и назвал свой стихотворный сборник „Симфонии“. Он <...> обладал большим мастерством в использовании рифмовок, ассонансов и консонансов».²⁸

В 1982 году в разделе «Иностранная литература» «Большой китайской энциклопедии» вышла словарная статья о Белом, в которой упоминалось, что он теоретик символизма, впервые применивший математические методы для изучения теории ритма в поэзии и прозе.²⁹ После этой публикации отношение к писателю в Китае резко изменилось. В декабре того же года издательство «Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ» опубликовало сборник очерков о литературных и художественных тенденциях Запада (сост. Лю Минцзю), в который вошла статья известного литературоведа и переводчика Цянь Шаньсина «Проблема „потока сознания“ в русской и советской литературах XX века». Ее автор реконструирует историю того, как в раннесоветский период использовалась техника «потока сознания» — от Л. Н. Андреева к Белому.³⁰ Цянь Шаньсин также анализирует, какие осмысленные революционные идеи находят в трудах русских символистов в целом и Андрея Белого в частности.³¹

Первое произведение Белого, переведенное на китайский язык после Культурной революции, появилось в сборнике «Китайская и зарубежная символистская поэзия. Избранное» (сост. Чжан Цзяньюе), опубликованном издательством «Чжэцзян вэньи чубаньшэ» в январе 1989 года.³² В марте того же года издательство «Гунжэнь чубаньшэ» опубликовало сборник «Лирика сквозь века: Избранные стихи советских авангардистов» (перевод Сюнь Хунцзюня), куда вошли пять стихотворений Белого: «Солнце», «Изгнанник», «Асе», «Поэт души» и «Мои слова».³³

Наконец, в том же году издательство «Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ» опубликовало на китайском языке сборник «Символизм и имажинизм»³⁴ (сост. Хуан Цзинькай и др.), в который вошли статьи Белого «Формы искусства» (отрывок) и «Символизм» в переводе литературоведа-переводчика Лян Кунь. Это была первая попытка перевода на китайский язык теории символизма Белого.

Если говорить о современной филологии, то в последние 30 лет в китайском литературоведении представлены разные направления в изучении жизни и творчества Белого.

Андрей Белый как символист и теоретик символизма

В 1996 году в «Истории русской поэзии XX века» переводчик и литературовед Лю Вэньфэй охарактеризовал писателя как смелого новатора, а его творчество как многогранное: «Разносторонность является отражением его литературного таланта, а смелость свидетельствует об упорстве в достижении литературных и жизненных

²⁷ Слоним М. Л. История современной русской литературы / Пер. с англ. на кит. Тан Синь-мэй. Тайбэй, 1981. С. 199.

²⁸ Там же.

²⁹ 《中国大百科全书·外国文学 1》，北京：国大百科全书出版社，1982年，第146页。（Большая китайская энциклопедия: иностранная литература. В 2 т. Пекин, 1982. Т. 1/ Под ред. Цянь Чуньфан. С. 146）.

³⁰ 柳鸣九：《意识流：西方文艺思潮论丛》，北京：中国社会科学出版社，1989年，第154页。（Лю Минцзю. «Поток сознания»: Сб. эссе о литературных и художественных тенденциях Запада. Пекин, 1989. С. 154）.

³¹ Там же. С. 156.

³² 张剑跃：《中外象征诗选萃》，杭州：浙江文艺出版社，1989年，第132—133页。（Чжан Цзяньюе. Избр. китайские и зарубежные символические стихи. Ханчжоу, 1989. С. 132—133）.

³³ Лирика на рубеже веков: Избр. стихотворения русско-советского авангарда / Пер. с рус. на кит. Сюнь Хунцзюня. Пекин, 1989. С. 17—23.

³⁴ 黄晋凯，张秉真，杨恒达：《象征主义·意象派》，北京：中国人民大学出版社，1998年，第198—213页。（Хуан Цзинькай，Чжан Бинчжэнь，Ян Хэнда. Символизм. Имажинизм. Пекин, 1998. С. 198—213）.

целей». ³⁵ Однако исследователь критикует Белого за смешение границ между двумя видами искусства: «Чрезмерная музыка губительна для поэзии; если литературу целиком и полностью омузыкалить, она потеряет свою индивидуальность». ³⁶

В 1998 году переводчик и литературовед Чжоу Цичао в монографии «Достижения русского символизма» посвятил отдельную главу теоретическим работам Андрея Белого о символизме: «В период зарождения литературной теории русского формализма публикация сборника статей Андрея Белого „Символизм“ (1910) была, несомненно, важным событием. Андрей Белый рассматривал художественные формы с различных точек зрения, отстаивал необходимость создания теоретической поэтики, обсуждал ряд вопросов, имеющих методологическое значение. Все актуальные и наиболее известные идеи формальной школы так или иначе опираются на концепцию Андрея Белого. „Символизм“ можно рассматривать как важнейший кроветворный источник в развитии русского формализма». ³⁷

В 2000 году в «Истории русской литературной критики в XX веке» литературоведы Чжан Цзе и Ван Цзечжи назвали Андрея Белого «выдающимся представителем модернизма в России», который, по их мнению, справедливо входит в число лучших русских писателей, критиков и теоретиков литературы XX века». ³⁸ Исследователи также полагают, что литературно-критические труды Белого повлияли на развитие литературной теории Серебряного века. ³⁹

В 2001 году Чжэн Тию в восьмой главе («Творчество Андрея Белого») своей монографии «Русская модернистская поэзия» отозвался о писателе как о «самом преданном стороннике русского символизма», добавив, что «его понимание символизма выходит за рамки общих литературных направлений и жанров». ⁴⁰ В отличие от Брюсова и Бальмонта, Белый не возлагал на символизм надежды на создание нового искусства. Скорее он хотел, чтобы символисты взяли на себя задачу строительства новой жизни: «Основная тема творчества Андрея Белого — „преобразование жизни“». ⁴¹

По мнению поэта, эта задача должна быть решена в процессе становления нового мировоззрения и новой культуры. Однако Белому не удалось выстроить законченную систему. Размышляя над разными способами преобразования мира, он неоднократно менял точку зрения на протяжении творческого пути. Одно время он находился под влиянием идей Шопенгауэра, затем — Ницше, Рилья, а когда идеи Рилья для него исчерпали себя, он обратился к Штирнеру. Эту идею разделяет Цзен Сыи, полагающий, что важнейшим способом культурного обновления становится для Белого искусство, а символизм соответствует мировосприятию поэта. ⁴²

Лю Вэньфэй в монографии «Литературный куб: русская литература XX века» утверждает: хотя Белый «впервые появился на российском литературном небосклоне на рубеже двух столетий как великий поэт-символист, как романист он гораздо сильнее». ⁴³ Его творчество сформировалось под влиянием атмосферы Серебряного

³⁵ 刘文飞:《二十世纪俄语诗史》,北京:社会科学文献出版社,1996年,第18页。(Лю Вэньфэй. История русской поэзии в XX веке. Пекин, 1996. С. 18).

³⁶ Там же. С. 19.

³⁷ 周启超:《俄国象征派文学理论建树》,合肥:安徽教育出版社,1998年,第251页。(Чжоу Цичао. Литературная теория русских символистов. Хэфэй, 1998. С. 251).

³⁸ 张杰,汪介之:《20世纪俄罗斯文学批评史》,南京:译林出版社,2000年,第61页。(Чжан Цзе, Ван Цзечжи. История критики русской литературы XX в. Нанкин, 2000. С. 61).

³⁹ Там же. С. 74.

⁴⁰ 郑体武:《俄国现代主义诗歌》,上海:上海外语教育出版社,2001年,第216页。(Чжэн Тию. Русская модернистская поэзия. Шанхай, 2001. С. 216).

⁴¹ Там же.

⁴² В своей статье исследователь проанализировал такие стихотворения, как «Отчаяние», «Родине», «Тело стихий», «Вечность», «Солнце» и др. См.: 曾思艺:《白银时代俄罗斯现代主义诗歌研究》,长沙:湖南人民出版社,2004年,第175页。(Цзен Сыи. Исследование русской модернистской поэзии Серебряного века. Чанша, 2004. С. 175).

⁴³ 刘文飞:《文学魔方:二十世纪的俄罗斯文学》,北京:中国社会科学出版社,2004年,第126页。(Лю Вэньфэй. Литературный куб: Русская литература XX в. Пекин, 2004. С. 126).

века, и «Белый действительно был одним из наиболее типичных представителей литературы той эпохи».⁴⁴

В том же году в «Истории зарубежной литературы XX века» (Т. 1. Иностранная литература на рубеже веков) в широком научном поле утверждается идея о Белом как символисте: «...что касается русского символизма на рубеже столетий, А. Белый хотя и не был начинателем символизма, но именно он дольше всех оставался символистом и активно пропагандировал это направление искусства. А. Белый — писатель-символист с широчайшим диапазоном творческих тем и жанров».⁴⁵

Известный литературовед Чжэн Тиу в «Краткой истории русской литературы» ставит Белого как символиста наравне с Блоком, так как его произведения в полной мере воплощают «идейно-художественные особенности символизма».⁴⁶

В 2006 году вышла монография исследовательницы русской литературы Ду Вэньцзюань «Интерпретация символов: теория символического искусства А. Белого».⁴⁷ Книга состоит из двух частей. В первой устанавливаются теоретические предпосылки символизма как направления, а теоретические взгляды писателя изучены с позиций философии, эстетики и литературы. Здесь предпринят всесторонний анализ символистской поэтики Белого, рассмотрены его музыкальность и ритмическое новаторство, а также выявлена связь его творчества с антропософией Р. Штейнера. Согласно его мистическим учениям, человек наделен способностью познать Христа посредством духовных практик, а преобразование мира начинается с преобразования человеческого духа, т. е. с самосовершенствования. Эти идеи были близки Белому, с готовностью воспринявшему их.⁴⁸

Вторая часть монографии посвящена поэтике прозы, наиболее известные романы Белого — «Петербург» и «Серебряный голубь» — изучены в трех направлениях: поэтические принципы создания персонажей, композиция и художественный ритм.

Андрей Белый как писатель-романист

В 1993 году литературовед Ван Цзечжи в «Истории литературы Европы и Америки XX века» назвал роман «Петербург» «большим достижением русской символистской школы», а также «одним из классических произведений модернистской литературы».⁴⁹ Исследователь полагал, что «за новой и странной формой искусства» скрывается сложное содержание. Герои романа — «лишь плод авторского воображения, место и время действия символичны, а все произведение, по сути, игра подсознания, отражение внутренних переживаний автора».⁵⁰

В 2000 году литературовед и переводчик Ли Юйчжэнь оценил роман «Петербург» как «вершину творчества Андрея Белого».⁵¹ В нем отразилось уникальное понимание искусства, жизни и — шире — судеб человечества. Писатель создал мир чистого сознания, выразив свои эстетические устремления, концепцию истории и философские взгляды. Он, словно волшебник, околдовал все слова и образы, заставив их следовать за ним в поисках абсолютного смысла. Разрушив традиционную грамматику, Белый обновил словесные формы и призвал все формальные грамматические категории к участию в сотворении мифа о жизни. Он безжалостно разрушил литературные принципы XIX века и повел XX столетие в новом направлении.

⁴⁴ Там же. С. 121.

⁴⁵ 吴元迈: 《20世纪外国文学史(第一卷): 世纪之交的外国文学》, 南京: 译林出版社, 2004年, 第165页。(У Юаньмай. История зарубежной литературы XX века. Нанкин, 2004. Т. 1. Иностранная литература на рубеже веков. С. 165).

⁴⁶ 郑体武: 《俄罗斯文学简史》, 上海: 上海外语教育出版社, 2006年, 第157页。(Чжэн Тиу. Краткая история русской литературы. Шанхай, 2006. С. 157).

⁴⁷ 杜文娟: 《诠释象征: 别雷象征艺术论》, 北京: 中国传媒大学出版社, 2006年。(Ду Вэньцзюань. Интерпретация символов: Теория символического искусства А. Белого. Пекин, 2006).

⁴⁸ Там же. С. 72.

⁴⁹ 汪介之: 《20世纪欧美文学史》, 南京: 南京师范大学出版社, 2003年, 第389–391页。(Ван Цзечжи. История европейской и американской литературы XX века. Нанкин, 1993. С. 389–391).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ 李毓榛: 《20世纪俄罗斯文学史》, 北京: 北京大学出版社, 2000年, 第33页。(Ли Юйчжэнь. История русской литературы XX в. Пекин, 2000. С. 33).

С Ли Юйчжэнем полностью соглашается исследовательница русской литературы Хэ Сюэмэй. Несмотря на то, что после «Петербурга» Белый написал немало произведений, ни одно из них не приблизилось по уровню к этому роману.⁵²

В монографии «Русская литература Серебряного века» (2003) Чжоу Цицао отмечал: «На Западе Андрея Белого считают одним из самых гениальных русских романистов XX века. Некоторые зарубежные литературоведы и искусствоведы считают романы Белого явлением поистине эпохальным».⁵³ Изучение симфонической структуры в романах Андрея Белого отрывает путь к пониманию его поэтики:⁵⁴ «А. Белый — первый в истории русской литературы писатель, который <...> перенес структурные принципы симфонической композиции в литературное творчество <...> Это совершенно новая структурная техника <...> Этот новый художественный текст отражает объективный процесс „деконструкции мира“ и одновременно субъективную веру символистов в онтологическое единство мира. Новый структурный прием — одно из художественных открытий А. Белого как романиста».⁵⁵

В 2006 году известный литературовед Жэнь Гуансюань в «Краткой истории русской литературы» назовет Белого «поэтом-композитором», подчеркнув, что его «поэзия и проза музыкальны по своей природе и по способу организации».⁵⁶ В 2007 году русист Чжан Минь включил Белого в «плеяду русских романистов-модернистов Серебряного века».⁵⁷ В своей книге, в разделе «Андрей Белый: прерывистость, а не „поток сознания“», автор пишет о том, что одна из важнейших повествовательных черт Белого — нарочитая незаконченность, прерывистость мысли, сюжетная фрагментарность.⁵⁸

Европейские модернисты использовали технику потока сознания для того, чтобы показать деформацию человеческой психики, однако Белый трансформирует этот прием — для него важен не поток сознания сам по себе, а его прерывистость.⁵⁹ Проиллюстрируем эту мысль на конкретном примере из романа «Петербург». В первой главе Дудкин, сторонник «легкомысленной партии», поджидает в кабаке Липанченко, тайного политического агента: «Незнакомец мой что-то сообразил: подозрительно поглядел он на бородача, ухватился за мокренький узелочек, ухватился за оборванный листик (для газетного чтения); и им, будто бы невзначай, прикрыл узелочек.

— Тульские будете?

Незнакомец с неудовольствием оторвался от мысли и сказал с достаточной грубостью — сказал фистулою:

— И вовсе не тульский... <...>

И он думал: нет, он не думал — думы думались сами, расширяясь и открывая картину: брезенты, канаты, селедки; и набитые чем-то кули: неизмеримость кулей; меж кулями в черную кожу одетый рабочий синеватой рукой себе на спину взваливал куль, выделяясь отчетливо на тумане, на летящих водных поверхностях; и куль глухо упал: со спины в нагруженную балками барку; за кулем — куль; рабочий же (знакомый рабочий) стоял над кулями и вытаскивал трубочку с пренелепо на ветре плясавшим одежды крылом».⁶⁰

Упомянутые выше «брезенты, кули, трубочки» отражают субъективность видения главного героя. Такое восприятие обусловлено речью грубого говорливого бородастого

⁵² 何雪梅:《俄罗斯白银时代文学史》,哈尔滨:黑龙江人民出版社,2008年,第55页。(Хэ Сюэмэй. История русской литературы Серебряного века. Харбин, 2008. С. 55).

⁵³ 周启超:《白银时代俄罗斯文学研究》,北京:北京大学出版社,2003年,第197页。(Чжоу Цицао. Исследование русской литературы Серебряного века. Пекин, 2003. С. 197).

⁵⁴ Там же. С. 201.

⁵⁵ Там же. С. 200–201.

⁵⁶ 任光宣:《俄罗斯文学简史》,北京:北京大学出版社,2006年,第313页。(Жэнь Гуансюань. Краткая история русской литературы. Пекин, 2006. С. 313).

⁵⁷ 张敏:《白银时代:俄罗斯现代主义作家群论》,哈尔滨:黑龙江大学出版社,2007年,第9页。(Чжан Минь. Серебряный век: Исследование русских писателей-модернистов. Харбин, 2007. С. 9).

⁵⁸ Там же. С. 154.

⁵⁹ Там же. С. 170.

⁶⁰ Белый А. Петербург. М., 1981. С. 31 (сер. «Литературные памятники»).

кучера в кабачке, который задает персонажу один вопрос за другим. Неказистый пошловатый кучер напоминает ему о других униженных людях — об их несчастьях и бедности. Для Белого важны конкретика ситуации, обусловленность мышления героя моментом (в данном случае — появлением бородача). Кроме того, сознание героев романа нарочито фрагментарно. Так, в этой же первой главе сенатор, позавтракав, заходит в гостиную. Увидя «горки фарфоровых безделушек», он вдруг вспоминает о давней поездке в Венецию с женой Анной Петровной, но воспоминания эти поверхностны и обрывочны.

В 2012 году литературовед Гуань Хайин представила монографию «Строительство духовного ковчега — о романе А. Белого „Петербург“», в которой новаторство художественной формы рассмотрено в пяти аспектах — творческий путь писателя, поэзия, «поток сознания», символизм, структура и форма. По ее мнению, в романе «Петербург» автор «рисует картину грядущей мировой катастрофы, выражая свой взгляд на историческую судьбу России в свете проблемы Восток–Запад, а также рассуждает о путях развития русской культуры, о стремлении человека к гармонии и о поиске жизненных ценностей. Он объявляет конец „мифу о Петербурге“, существовавшему на протяжении двух столетий».⁶¹

Литературовед также отмечает, что, в отличие от традиционных романов, в «Петербурге» большую роль играет ассоциативный ряд; повествование Белого нарочито иррационально, что приближает его к романам «потока сознания». В следующей монографии «Исследование романов Андрея Белого» (2021) Гуань Хайин проанализировала значение творчества Андрея Белого для развития жанра романа: «Глубокий интерес А. Белого к подсознательному позволил ему раскрыть особые качества <...> человека, о которых не было известно ранее <...> Следуя „духу музыки“, Белый изменил индивидуально-авторское сознание, характерное для литературы XIX века. Смешав структурные принципы кино, живописи, музыки и других видов искусства и соединив различные художественные приемы, такие как подражание, ритм, архетипы и т. д., Белый радикально обновил художественные принципы русского романа XIX века, повлияв на развитие русского романа в XX веке».⁶²

Другие аспекты в изучении творчества Андрея Белого

В 2007 году в монографии «Эсхатология и искупление: религиозно-культурная интерпретация русской литературы XX века» Лян Кунь рассмотрела историю развития русской литературы в ее взаимосвязи с православной традицией. Она полагает, что «русская литература пронизана религиозными мотивами; ядром православной мысли является вопрос о конце света и об искуплении греха», что «на метафизическом уровне в русской литературе воплощена эсхатология русской мысли».⁶³

К произведениям, в которых исследуется категория апокалипсиса, Лян Кунь относит такие тексты Белого, как «Антихрист» (незавершенная мистерия Андрея Белого, 1898), «Симфония № 1» (1900) и «Апокалипсис в русской поэзии» (1905), причем в последнем писатель сосредоточил внимание на размышлениях о русском софизме, имеющем ярко выраженные апокалиптические черты.⁶⁴

Известный литературовед и переводчик Ли Хуэйфань (1933–2023) в «Обзоре русской литературы Серебряного века» (2008) проанализировал произведения писателя с точки зрения философской эстетики, отметив, что «ядро эстетических и культурологических воззрений А. Белого можно представить как пансимволизм или символистическую теорию». Он придает символизму самое широкое значение, «философские, эс-

⁶¹ 管海莹：《建造心灵的方舟：论别雷的〈彼得堡〉》，北京：人民出版社，2012年，第236页。（*Гуань Хайин. Создание духовного ковчега — о романе А. Белого «Петербург»*. Пекин, 2012. С. 236).

⁶² 管海莹：《别雷小说研究》，北京：人民出版社，2021年。（*Гуань Хайин. Исследование романов А. Белого*. Пекин, 2021. С. 270).

⁶³ 梁坤：《末世与救赎——20世纪俄罗斯文学主题的宗教文化阐释》，北京：中国人民大学出版社，2007年，第1, 3页。（*Лян Кунь. Эсхатология и искупление: Религиозно-культурная интерпретация русской литературы XX века*. Пекин, 2007. С. 1, 3).

⁶⁴ Там же. С. 61.

тетические и культурные идеи Белого чрезвычайно сложны, глубоки и абстрактны, полны противоречий и даже парадоксов, и обороты его речи трудны для понимания».⁶⁵

В 2023 году Гоу Шичунь посвятила магистерскую диссертацию изучению романа «Серебряный голубь» в ракурсе пространственной организации текста. Успешно сочетая символистские и модернистские приемы, Белый создает сложный мир, в котором объединяет реальное, психологическое и воображаемое пространство: «В „Серебряном голубе“ писатель нарушает линейность повествования, используя пространство для создания сложных символов».⁶⁶

Китайских исследователей также интересуют вопросы интертекстуального характера. Так, Ван Яньцюй в работе «Дух музыки в русской символистской поэзии» сосредоточилась на анализе творчества Блока и Белого. По ее мнению, «у обоих есть много общего в понимании „духа музыки“, но в поэтическом творчестве оно проявляется по-разному: у Блока абсолютного слуха нет. Только приобщившись к „духу музыки“, слушая звуки отдаленного „мирового оркестра“ народной души, он может стать теургом; Белый же хорошо разбирается в музыке, очень любит словесные эксперименты и напрямую называет себя композитором».⁶⁷

Помимо упомянутых выше изданий, с 1990-х годов также выходят в свет статьи в периодических изданиях. Так, за последние 30 лет в онлайн-изданиях было опубликовано около ста исследований. В них были представлены такие аспекты творчества, как анализ метафор и символов,⁶⁸ стилистических особенностей,⁶⁹ гуманистических идей,⁷⁰ а также сопоставительный анализ творчества Белого с русскими и китайскими авторами.⁷¹

Анализ истории переводов творчества Белого в Китае позволяет выделить две очевидные особенности. Во-первых, полноценные переводы начинают появляться только в 1990-е годы, но в XXI веке их количество резко сокращается. Во-вторых, остаются непереведенными мемуары, травелоги и некоторые другие сочинения и статьи, из поэтических сборников на китайский язык переведены лишь разрозненные стихотворения, а также всего три романа. Особый интерес для китайских литературоведов представляет роман «Петербург», другим произведениям автора уделено незначительное внимание.

⁶⁵ 李辉凡:《俄国“白银时代”文学概观》,北京:中国社会科学出版社,2008年,第131页。(Ли Хуэйфань. Обзор русской литературы Серебряного века. Пекин, 2008. С. 131, 138).

⁶⁶ 苟士纯:《安德烈·别雷<银鸽>的空间叙事研究》,东北师范大学学报,2023年,第6页。(Гоу Шичунь. Исследование пространственного нарратива в романе Андрея Белого «Серебряный голубь». Дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2023. С. 6).

⁶⁷ 王彦秋:《音乐精神:俄国象征主义诗学研究》,北京:北京大学出版社,2008年,第5页。(Ван Яньцюй. Дух музыки в русской символистской поэзии. Пекин, 2008. С. 5).

⁶⁸ 杜文娟:《象征主义,洞察本真世界——安德烈·别雷象征主义文学理论探微》,《外国文学评论》,1998年第4期。(Ду Вэньцзюань. Символизм, прозрение в истинный мир: Исследование литературной теории символизма Андрея Белого // Иностранная литература. 1998. № 4); 杨秀杰:《隐喻与象征主义诗歌——别雷诗集<蓝天里的金子>中隐喻的特点》,《解放军外国语学院学报》,2002年第6期。(Ян Сюйцзе. Метафора и символистская поэзия: характерные черты метафоры в сборнике стихотворений Белого «Золото в лазури» // Вестник Института иностранных языков НОАК. 2002. № 6).

⁶⁹ 管海莹:《论别雷创作中的节奏诗学》,《俄罗斯文艺》,2016年第2期。(Гуань Хайин. Диалог Белого и Гоголя: о пародии в романах Андрея Белого // Русская литература и искусство. 2016. № 2).

⁷⁰ 林精华:《<彼得堡>:在人文价值内涵上空前增生的文本》,《国外文学》,1997年第4期。(Линь Цзиньхуа. «Петербург»: беспрецедентный текст с точки зрения идеологических ценностей и гуманистической значимости // Литература за рубежом. 1997. № 4); 戴卓萌:《<彼得堡>的存在主义与现代性》,《俄罗斯文艺》,2014年第2期。(Дай Чжэомэн. Экзистенциализм и современность в романе «Петербург» // Русская литература и искусство. 2014. № 2).

⁷¹ 司俊琴:《别雷诗歌中的象征意象与鲁迅<野草>中的象征意象之比较》,《社科纵横》,2006年第7期。(Си Цзюньцин. Сравнение символистских образов в стихотворениях Белого и «Дикой траве» Лу Синя // Обзор социальных наук. 2006. № 2); 管海莹:《别雷与果戈理的„对话“——论别雷小说艺术中的戏拟风格》,《俄罗斯文艺》,2012年第2期。(Гуань Хайин. Горький и Белый: взаимодействие и коммуникация разных жанров // Русская литература и искусство. 2012. № 2).

Обзор существующих на сегодняшний день работ показывает, что с точки зрения глубины, систематичности и оригинальности беловедение в Китае по-прежнему имеет свои недостатки — системных аналитических исследований очень мало. Однако упорство китайских литературоведов в условиях современной культурно-научной среды, характеризующейся большей, чем в XX веке, открытостью и инклюзивностью, вполне дает основания надеяться на расширение и углубление результатов изучения творческого наследия Андрея Белого.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-170-191

ВОСПОМИНАНИЯ И. Н. ПОТАПЕНКО «НЕСКОЛЬКО СЛОВ»

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© А. В. ВОСТРИКОВА)

Игнатий Николаевич Потапенко (1856–1929)¹ прожил почти полувековую жизнь в литературе, проходя разные этапы и меняя статусы. Начиная писатель, обративший на себя внимание в начале 1880-х годов, к середине 1890-х уже стал одним из самых читаемых беллетристов России. Его многочисленные произведения печатались в популярнейших толстых журналах, собрание сочинений с 1891 года выходило в издательстве Ф. Ф. Павленкова, пьесы шли на императорской сцене и в любительских театрах; его имя постоянно было на слуху благодаря обширным знакомствам в литературной и артистической среде, участию в разнообразных чтениях и вечерах, а также многочисленным романам, происходившим на глазах любопытствующей общественности; дружба с Чеховым и связь с Ликой Мизиновой и в настоящее время известны лучше, чем его литературные произведения. К началу XX века у Потапенко составила своя читательская аудитория, которая знала, чего ждать от очередных его романов и повестей — и чего от них ждать не нужно. Он не выработал своего неповторимого стиля и не открыл своей темы; он откликался на запросы времени — и вместе с этим временем постепенно сходил на нет. Когда пришла революция, Потапенко пропал, и никто особо не заметил его отсутствия.

Пересидев самые опасные и голодные годы в провинции, Потапенко в 1922 году вернулся в Петроград, предполагая продолжить писательскую жизнь. Используя богатый опыт и жанровые навыки, он представил читателям целый ряд новых произведений в диапазоне от антиклерикальной пьесы «Ряса» до привычных «очерков южно-русского села». В потенциальный репертуар входили и мемуары, тем более что возраст подходил к 70 годам, а биография содержала множество занимательных сюжетов и неожиданных поворотов. У Потапенко уже был некоторый опыт в этой области, в первую очередь связанный с воспоминаниями о Чехове. Однако к 1920-м годам его личность как таковая уже не представляла живого интереса для публики, а имя все чаще употреблялось как нарицательное, в значении рядового литератора былых времен с давнопрошедшей популярностью. Он относился к этому с достаточной иронией, не страдая излишним авторским самолюбием,² — и так и начал писать воспоминания, на первых страницах заявив программу: «...не история моей жизни будет предметом этой книги, а литературно-общественные и бытовые отношения <...> так, как они преломлялись

¹ См.: *Гитович И. Е.* Потапенко Игнатий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 111–115.

² Ср.: «Потапенко, Игнатий Ник. Относится к себе иронически. Мил. Прост. Самый законченный обыватель, какого я когда-либо видал» (*Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 76; июнь 1917 года).

10. *Livingston A.* «Fausta chto li, Gamleta li»: Faustovskie motivy v rannikh stikhotvoreniiax Pasternaka // *Pasternak-Studien I: Beiträge zum Internationalen Pasternak-Kongress 1991 in Marburg* / Hrsg. von S. Dorzweiler und H.-B. Harder. München, 1993.
11. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2003–2005. T. 1, 3, 4, 7.
12. *Polivanov K. M.* K analizu i interpretatsii stikhotvoreniia «Vstrecha» Borisa Pasternaka // *Stikh. Iazyk. Poeziia. Pamiati M. L. Gasparova. M., 2006.*
13. *Polivanov K. M.* Kanonicheskie teksty Pushkina v lirike i romane Borisa Pasternaka // *Pushkinskie chteniia v Tartu 5: Pushkinskaia epokha i russkii literaturnyi kanon. K 85-letiiu Larisy Il'inichny Vol'pert: V 2 ch. / Otv. red. R. G. Leibov. Tartu, 2011. Ch. 1. S. 271–291.*
14. *Polivanova D. K., Polivanov K. M.* Tema rozhdeniia iskusstva i variatsii Shekspira v tsikle B. L. Pasternaka «Son v letniiu noch'» // *Russkaia literatura. 2021. № 1.*
15. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1948. T. 3. Kn. 1; 5; 8.
16. *Shakespeare W.* Complete Works / Ed. by R. Proudfoot, A. Thompson, D. S. Kastan and H. R. Woudhuysen. London, 2021 (The Arden Shakespeare Third Series).
17. *Shekspir V.* Poln. sobr. soch.: V 14 t. M., 1992. T. 1, 2.
18. *Tiutchev F. I.* Poln. sobr. stikhotvoreniia / Sost., podg. teksta i prim. A. A. Nikolaeva. L., 1987 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
19. *Zholkovskii A. K.* Zagadki martovskoi nochi: Eshche raz o stikhotvoreniia Pasternaka «Vstrecha» // *Zvezda. 2015. № 12.*

Ван Юе

доцент Института иностранных языков Бэйханского университета

Wang Jue

Institute of Foreign Languages, Beihang University

ORCID: 0000-0002-1390-8494

yp20092011@163.com

ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ БЕЛОГО В КИТАЕ

TRANSLATING AND INTERPRETING ANDREY BELY'S LEGACY IN CHINA

Увлечение русской литературой, возникшее в период Движения четвертого мая, ввело Андрея Белого в кругозор китайской интеллигенции. В статье рассматривается история переводов и исследований художественного творчества Белого в Китае, оценивается степень изученности литературного наследия писателя в стране, освещены недостатки китайского беловедения с точки зрения количества переводов и глубины, систематичности и оригинальности исследований в Китае по сравнению с Россией и Европой. Выделены различные научные подходы к изучению творчества писателя и намечены задачи по восполнению пробелов в переводах его сочинений.

Ключевые слова: Андрей Белый, перевод, Китай.

The interest in the Russian literature that emerged as a part of the May Fourth Movement introduced the Chinese intellectuals to the art of Andrey Bely. The article examines the history of translating and interpreting Andrey Bely's works in China, assesses the degree of the academia's awareness of his legacy, traces the limitations of Chinese Bely studies from the standpoint of the number of translations and the depth, architecture and originality of these studies versus those in Russia and Europe. Various approaches to researching the writer's legacy are outlined, goals for filling up the gaps in translation are set.

Key words: Andrey Bely, translation, China.

Список литературы

1. *Белый А.* Петербург. М., 1981 (сер. «Литературные памятники»).
2. *Девушка и смерть* / Пер. с рус. на кит. Цинь Ши. Шанхай, 1949.

3. *Иванов В. И.* Из истории борьбы за высокую идейность советской литературы. 1917–1932 / Пер. с рус. на кит. Цао Баохуа, Сюй Юньшэна. Пекин, 1957.
4. Избр. стихи новой России / Пер. с рус. на кит. Ли Имана, Лу Синя. Пекин, 1929.
5. *Йонекава М.* Основные направления русской литературы / Пер. с яп. на кит. Жэнь Цзюня. Пекин, 1941.
6. Лирика на рубеже веков: избранные стихотворения русско-советского авангарда / Пер. с рус. на кит. Сюнь Хунцзюня. Пекин, 1989.
7. Проблемы советской литературы и искусства / Пер. с рус. на кит. Цао Баохуа. Пекин, 1953.
8. *Слоним М. Л.* История современной русской литературы / Пер. с англ. на кит. Тан Синь-мэй. Тайбэй, 1981.
9. *Gamsa M.* The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies. Leiden, 2008.
10. 《中国大百科全书·外国文学1》，北京：国大百科全书出版社，1982年，第146页。(Большая китайская энциклопедия: иностранная литература. В 2 т. Пекин, 1982. Т. 1 / Под ред. Цзян Чунь-фан).
11. 曾思艺: 白银时代俄罗斯现代主义诗歌研究, 长沙: 湖南人民出版社出版社, 2004年, 第175页。(Цзэн Си. Исследование русской модернистской поэзии Серебряного века. Чанша, 2004).
12. 杜文娟: 《诠释象征: 别雷象征艺术论》, 北京: 中国传媒大学出版社, 2006年。(Ду Вэньцзюань. Интерпретация символов: Теория символического искусства А. Белого. Пекин, 2006).
13. 苟士纯: 《安德烈·别雷<银鸽>的空间叙事研究》, 东北师范大学大学, 2023年, 第6页。(Гоу Шичунь. Исследование пространственного нарратива в романе Андрея Белого «Серебряный голубь»: Дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2023).
14. 管海莹: 《别雷小说研究》, 北京: 人民出版社, 2021年。(Гуань Хайин. Исследование романов А. Белого. Пекин, 2021).
15. 管海莹: 《建造心灵的方舟: 论别雷的<彼得堡>》, 北京: 人民出版社, 2012年, 第236页。(Гуань Хайин. Создание духовного ковчега — о романе А. Белого «Петербург». Пекин, 2012).
16. 何雪梅: 《俄罗斯白银时代文学史》, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2008年, 第55页。(Хэ Сюэ-мэй. История русской литературы Серебряного века. Харбин, 2008).
17. 黄晋凯, 张秉真, 杨恒达: 《象征主义·意象派》, 北京: 中国人民大学出版社, 1998年, 第198–213页。(Хуан Цзинькай, Чжан Бинчжэнь, Ян Хэнда. Символизм. Имажинизм. Пекин, 1998).
18. 蒋光慈: 《俄罗斯文学》, 上海: 上海创业社, 1927年, 第13页。(Цзян Гуанцы. Русская литература. Шанхай, 1927).
19. 李辉凡: 《俄国„白银时代“文学概观》, 北京: 中国社会科学出版社, 2008年, 第131页。(Ли Хуэйфань. Обзор русской литературы Серебряного века. Пекин, 2008).
20. 李毓榛: 《20世纪俄罗斯文学史》, 北京: 北京大学出版社, 2000年, 第33页。(Ли Юйчжэнь. История русской литературы XX в. Пекин, 2000).
21. 梁坤: 《末世与救赎——20世纪俄罗斯文学主题的宗教文化阐释》, 北京: 中国人民大学出版社, 2007年, 第1页。(Лиань Кунь. Эсхатология и искупление: Религиозно-культурная интерпретация русской литературы XX века. Пекин, 2007).
22. 刘文飞: 《二十世纪俄语诗史》, 北京: 社会科学文献出版社, 1996年, 第18页。(Лю Вэньфэй. История русской поэзии в XX веке. Пекин, 1996).
23. 刘文飞: 《文学魔方: 二十世纪的俄罗斯文学》, 北京: 中国社会科学出版社, 2004年, 第126页。(Лю Вэньфэй. Литературный куб: русская литература XX в. Пекин, 2004).
24. 柳鸣九: 《意识流: 西方艺术思潮论丛》, 北京: 中国社会科学出版社, 1989年, 第154页。(Лю Минцзю. «Поток сознания»: Сб. эссе о литературных и художественных тенденциях Запада. Пекин, 1989).
25. 鲁迅: 《集外集拾遗》, 北京: 人民文学出版社, 1973年, 第342页。(Лу Синь. Дополнения к Собранию сочинений. Пекин, 1973).
26. 欧茵西: 《俄罗斯文学史》, 台北: 中国文化大学出版社, 1980年, 第294页。(Оу Иньси. История русской литературы. Тайбэй, 1980).
27. 齐宁: 《安德烈·别雷的<彼得堡>》, 《外国文艺》, 1979年4期, 第314页。(Ци Нин. «Петербург» Андрея Белого // Вайго вэньи. 1979. № 4).
28. 瞿秋白: 《俄国文学史及其他》, 上海: 复旦大学出版社, 2004年, 第59页。(Цюй Цюбо. История русской литературы. Шанхай, 2004).
29. 任光宣: 《俄罗斯文学简史》, 北京: 北京大学出版社, 2006年, 第313页。(Жэнь Гуансюань. Краткая история русской литературы. Пекин, 2006).
30. 汪介之: 《20世纪欧美文学史》, 南京: 南京师范大学出版社, 2003年, 第389–391页。(Ван Цзечжи. История европейской и американской литературы XX века. Нанкин, 1993).
31. 王彦秋: 《音乐精神: 俄国象征主义诗学研究》, 北京: 北京大学出版社, 2008年, 第5页。(Ван Яньцю. Дух музыки в русской символистской поэзии. Пекин, 2008).
32. 吴元迈: 《20世纪外国文学史(第一卷): 世纪之交的外国文学》, 南京: 译林出版社, 2004年, 第165页。(У Юаньмай. История зарубежной литературы XX века. Нанкин, 2004. Т. 1. Иностранная литература на рубеже веков).
33. 张剑跃: 《中外象征诗选萃》, 杭州: 浙江文艺出版社, 1989年, 第132–133页。(Чжан Цзяньюэ. Избр. китайские и зарубежные символические стихи. Ханчжоу, 1989).

34. 张杰, 汪介之: 《20世纪俄罗斯文学批评史》, 南京: 译林出版社, 2000年, 第61页。(Чжан Цзе, Ван Цзечжи. История критики русской литературы XX в. Нанкин, 2000).
35. 张敏: 《白银时代: 俄罗斯现代主义作家群论》, 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2007年, 第9页。(Чжан Минь. Серебряный век: Исследование русских писателей-модернистов. Харбин, 2007).
36. 郑体武: 《俄国现代主义诗歌》, 上海: 上海外语教育出版社, 2001年, 第216页。(Чжэн Тиу. Русская модернистская поэзия. Шанхай, 2001).
37. 郑体武: 《俄罗斯文学简史》, 上海: 上海外语教育出版社, 2006年, 第157页。(Чжэн Тиу. Краткая история русской литературы. Шанхай, 2006).
38. 郑振铎: 《俄国文学史略》, 上海: 商务印书馆, 1924年, 第149页。(Чжэн Чжэндо. Краткая история русской литературы. Шанхай, 1924).
39. 周启超: 《白银时代俄罗斯文学研究》, 北京: 北京大学出版社, 2003年, 第197页。(Чжоу Цицао. Исследование русской литературы Серебряного века. Пекин, 2003).
40. 周启超: 《俄国象征派文学理论建树》, 合肥: 安徽教育出版社出版社, 1998年, 第251页。(Чжоу Цицао. Литературная теория русских символистов. Хэфэй, 1998).

References

1. Belyi A. Peterburg. M., 1981 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
2. Devushka i smert' / Per. s rus. na kit. Tsин' Shi. Shankhai, 1949.
3. Gamsa M. The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies. Leiden, 2008.
4. Ionekava M. Osnovnye napravleniia russkoi literatury / Per. s iap. na kit. Zhen' Tsziumia. Pekin, 1941.
5. Ivanov V. I. Iz istorii bor'by za vysokuiu ideinost' sovsotskoi literatury. 1917–1932 / Per. s rus. na kit. Tsao Baokhua, Siui Iun'shena. Pekin, 1957.
6. Izbr. stikhi novoi Rossii / Per. s rus. na kit. Li Imana, Lu Sinia. Pekin, 1929.
7. Lirika na rubezhe vekov: izbrannye stikhotvoreniia russko-sovetskogo avangarda / Per. s rus. na kit. Siun' Khuntsziunia. Pekin, 1989.
8. Problemy sovsotskoi literatury i iskusstva / Per. s rus. na kit. Tsao Baokhua. Pekin, 1953.
9. Slonim M. L. Istoriya sovremennoj russkoi literatury / Per. s angl. na kit. Tan Sin'mej. Tajbej, 1981.
10. 《中国大百科全书·外国文学1》, 北京: 国大百科全书出版社, 1982年, 第146页。(Bol'shaia kitaiskaia entsiklopediia: inostrannaia literatura. V 2 t. Pekin, 1982. T. 1 / Pod red. Tszian Chun'fan).
11. 曾思艺: 《白银时代俄罗斯现代主义诗歌研究》, 长沙: 湖南人民出版社出版社, 2004年, 第175页。(Tszen Syi. Issledovanie russkoi modernistskoi poezii Serebriannogo veka. Chansha, 2004).
12. 杜文娟: 《诠释象征: 别雷象征艺术论》, 北京: 中国传媒大学出版社, 2006年。(Du Ven'tszuan'. Interpretatsiia simvolov: Teoriia simvolicheskogo iskusstva A. Belogo. Pekin, 2006).
13. 苟士纯: 《安德烈·别雷<银鸽>的空间叙事研究》, 东北师范大学大学, 2023年, 第6页。(Gou Shichun'. Issledovanie prostranstvennogo narrativa v romane Andreia Belogo «Serebrianyi golub'»: Dis. ... magistra filol. nauk. Chanchun', 2023).
14. 管海莹: 《别雷小说研究》, 北京: 人民出版社, 2021年。(Guan' Khaiin. Issledovanie romanov A. Belogo. Pekin, 2021).
15. 管海莹: 《建造心灵的方舟: 论别雷的<彼得堡>》, 北京: 人民出版社, 2012年, 第236页。(Guan' Khaiin. Sozdanie dukhovnogo kovcheha — o romane A. Belogo «Peterburg». Pekin, 2012).
16. 何雪梅: 《俄罗斯白银时代文学史》, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2008年, 第55页。(Khe Siuemei. Istoriia russkoi literatury Serebriannogo veka. Kharbin, 2008).
17. 黄晋凯, 张秉真, 杨恒达: 《象征主义-意象派》, 北京: 中国人民大学出版社, 1998年, 第198–213页。(Khuang Tszin'kai, Chzhan Binzhzen', Ian Khenda. Simvolizm. Imazhinizm. Pekin, 1998).
18. 蒋光慈: 《俄罗斯文学》, 上海: 上海创业社, 1927年, 第13页。(Tszian Guantsy. Russkaia literatura. Shankhai, 1927).
19. 李辉凡: 《俄国, 白银时代“文学概观”》, 北京: 中国社会科学出版社, 2008年, 第131页。(Li Khueifan'. Obzor russkoi literatury Serebriannogo veka. Pekin, 2008).
20. 李毓榛: 《20世纪俄罗斯文学史》, 北京: 北京大学出版社, 2000年, 第33页。(Li Iuichzhen'. Istoriia russkoi literatury XX v. Pekin, 2000).
21. 梁坤: 《末世与救赎——20世纪俄罗斯文学主题的宗教文化阐释》, 北京: 中国人民大学出版社, 2007年, 第1页。(Lian Kun'. Eskhatologia i iskuplenie: Religiozno-kul'turnaia interpretatsiia russkoi literatury XX veka. Pekin, 2007).
22. 刘文飞: 《二十世纪俄语诗史》, 北京: 社会科学文献出版社, 1996年, 第18页。(Liu Ven'fei. Istoriia russkoi poezii v XX veke. Pekin, 1996).
23. 刘文飞: 《文学魔方: 二十世纪的俄罗斯文学》, 北京: 中国社会科学出版社, 2004年, 第126页。(Liu Ven'fei. Literaturnyi kub: russkaia literatura XX v. Pekin, 2004).
24. 柳鸣九: 《意识流: 西方文艺思潮论丛》, 北京: 中国社会科学出版社, 1989年, 第154页。(Liu Mintsziu. «Potok soznaniia»: Sb. esse o literaturnykh i khudozhestvennykh tendentsiakh Zapada. Pekin, 1989).

25. 鲁迅:《集外集拾遗》,北京:人民文学出版社,1973年,第342页。(Lu Sin'. Dopolneniia k Sobraniu sochinenii. Pekin, 1973).
26. 欧茵西:《俄罗斯文学史》,台北:中国文化大学出版社,1980年,第294页。(Ou In'si. Istoriia russkoi literatury. Taibei, 1980).
27. 齐宁:《安德烈·别雷的〈彼得堡〉》,《外国文艺》,1979年4期,第314页。(Tsi Nin. «Peterburg» Andreia Belogo // Vaigo ven'i. 1979. № 4).
28. 瞿秋白:《俄国文学史及其他》,上海:复旦大学出版社,2004年,第59页。(Tsiui Tsiubo. Istoriia russkoi literatury i prochee. Shankhai, 2004).
29. 任光宣:《俄罗斯文学简史》,北京:北京大学出版社,2006年,第313页。(Zhen' Guansiu-an'. Kratkaia istoriia russkoi literatury. Pekin, 2006).
30. 汪介之:《20世纪欧美文学史》,南京:南京师范大学出版社,2003年,第389–391页。(Van Tszechzhi. Istoriia evropeiskoi i amerikanskoi literatury XX veka. Nankin, 1993).
31. 王彦秋:《音乐精神:俄国象征主义诗学研究》,北京:北京大学出版社,2008年,第5页。(Van Ian'tsiu. Dukh muzyki v russkoi simvolistskoi poezii. Pekin, 2008).
32. 吴元迈:《20世纪外国文学史(第一卷):世纪之交的外国文学》,南京:译林出版社,2004年,第165页。(U Iuan'mai. Istoriia zarubezhnoi literatury XX veka. Nankin, 2004. T. 1. Inostrannaia literatura na rubezhe vekov).
33. 张剑跃:《中外象征诗选萃》,杭州:浙江文艺出版社,1989年,第132–133页。(Chzhan Tszian' iue. Izbr. kitaiskie i zarubezhnye simvolicheskie stikhi. Khanchzhou, 1989).
34. 张杰,汪介之:《20世纪俄罗斯文学批评史》,南京:译林出版社,2000年,第61页。(Chzhan Tsze, Van Tszechzhi. Istoriia kritiki russkoi literatury XX v. Nankin, 2000).
35. 张敏:《白银时代:俄罗斯现代主义作家群论》,哈尔滨:黑龙江大学出版社,2007年,第9页。(Chzhan Min'. Serebrianyi vek: Issledovanie russkikh pisatelei-modernistov. Kharbin, 2007).
36. 郑体武:《俄国现代主义诗歌》,上海:上海外语教育出版社,2001年,第216页。(Chzhen Tiu. Russkaia modernistskaia poezii. Shankhai, 2001).
37. 郑体武:《俄罗斯文学简史》,上海:上海外语教育出版社,2006年,第157页。(Chzhen Tiu. Kratkaia istoriia russkoi literatury. Shankhai, 2006).
38. 郑振铎:《俄国文学史略》,上海:商务印书馆,1924年,第149页。(Chzhen Chzhendo. Kratkaia istoriia russkoi literatury. Shankhai, 1924).
39. 周启超:《白银时代俄罗斯文学研究》,北京:北京大学出版社,2003年,第197页。(Chzhou Tsichao. Issledovanie russkoi literatury Serebriianogo veka. Pekin, 2003).
40. 周启超:《俄国象征派文学理论建树》,合肥:安徽教育出版社,1998年,第251页。(Chzhou Tsichao. Literaturnaia teoriia russkikh simvolistov. Khefei, 1998).

Алексей Викторович Востриков

заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов»
Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ

Alexey Viktorovich Vostrikov

Senior Curator, Bestuzhev Courses Library, M. Gorky Research Library,
St. Petersburg State University

ORCID: 0009-0005-0821-9511

bestuzhevka@gmail.com

ВОСПОМИНАНИЯ И. Н. ПОТАПЕНКО «НЕСКОЛЬКО СЛОВ»

«A FEW WORDS»: THE REMINISCENCES OF I. N. POTAPENKO

Впервые публикуемые воспоминания И. Н. Потапенко посвящены раннему периоду его петербургской жизни (конец 1870-х — начало 1880-х годов), когда он, будучи студентом одновременно университета и консерватории, делал первые шаги в литературе. Автор описывает особенности студенческого быта и рассказывает о своем знакомстве с известными литераторами К. М. Станюковичем, Н. Ф. Бажиним, В. А. Полегикой и др.

Ключевые слова: И. Н. Потапенко, К. М. Станюкович, студенческие землячества, журнал «Дело», литературный дебют.